104. [Старикъ и Деу].

1. Давно жилъ одинъ старикъ. Бѣдный былъ шипко; ничего у него нѣту. Возьмётъ въ руки палку и гуляетъ; да и гулять шипко *крýто* не можетъ. Ищетъ гнѣзда — хоть сороки, хоть вороны, яички собираетъ изъ гнѣздъ; этимъ и живетъ.

Одинъ разъ онъ шелъ изъ поля (ходилъ яички собирать). Встрѣчу ему попадаетъ *Деу*. Дéу говоритъ: „я тебя съѣмъ!“— Старикъ: „нѣтъ еще, не съѣсть тебѣ меня. Посмотримъ, кто кого сильнѣе! Вотъ, — говоритъ: — возьми этотъ камень и дави его: если у тебя пойдетъ изъ камня желтая вода, такъ ты съѣшь меня, а если у меня пойдетъ, такъ я тебя съѣмъ!“ — Деу согласился.

Старикъ взялъ въ руку́, вмѣсто камня, яичко; давилъ, у него жолтая вода побѣжала. Деу взялъ камень, жмётъ его изо всей силы, весь камень изломалъ, только пыль изъ него летитъ; а воды нѣтъ.

2. Потомъ старикъ говоритъ: „Я тебя съѣмъ!“ — А старикъ самъ тощóй такой. Деу испугался.—„Я,—говоритъ:—тебѣ золота дамъ, пожалуста не ѣшь“.—Старикъ все бородой трясетъ: „Я тебя,—говоритъ:—съѣмъ!.. Ну, да ладно!“ говоритъ.

Потомъ Деу повелъ его къ себѣ за золотомъ. Пошли. Шли долго, не одинъ день. Пришли въ избу; тамъ одна мать Деу дома. Деу сказалъ матерѣ: „гость пришолъ; самоваръ поставь!“—Разсказалъ ей, какъ дѣло вышло. Наѣлись, напились.

Ночь стала. — „Спать, — говоритъ: — надо“. — Деу: „*айдá*, лежись,—говоритъ:—въ избу“.—Послáли ему постель. Старикъ говоритъ: „Нѣтъ,—говоритъ:—я въ избѣ не привыкъ спать; тамъ блохъ, навѣрно, много. На потолокъ пойду“, говоритъ.—А самъ думаетъ, кабы чего-нибудь не сдѣлали съ нимъ. — Залѣзъ на потолокъ, лёгъ.

Ночью старикъ потихоньку слѣзъ съ потолка. У нихъ въ избѣ огонь горитъ. Смотритъ въ окно: Деу топоръ точитъ.—„Я,—говоритъ:—разъ сѣку, другой разъ сѣчь нечего будетъ!“ Матерѣ говоритъ. — Мать говоритъ: „Не шевели! не знаешь, какой человѣкъ, можетъ быть святой? Гляди, кабы худо не было тебѣ!“—„Нѣтъ,—говоритъ:—я не боюсь!“—

Старикъ взялъ худой пенёкъ, съ человѣка ростомъ; положилъ его на потолокъ, подъ крышу, завернулъ его въ зипунъ: будто человѣкъ спитъ. Самъ слѣзъ съ потолка и опять въ окошко глядитъ.

Деу залѣзъ на потолокъ съ топоромъ въ рукахъ. Разъ онъ сѣкъ ево, другой разъ сѣкъ, только пыль летитъ отъ нево. Не сталъ разговаривать, такъ слѣзалъ. Вошолъ въ избу, потомъ матери говоритъ: „Вотъ какой старой онъ: только пыль летитъ отъ нево!“ — Потомъ легли они спать.

3. Какъ уснули, этотъ старикъ залѣзъ опять на потолокъ, взялъ зипу́нъ и надѣлъ на себя. Потомъ слѣзъ, пришолъ подъ окошко да и кричитъ: „Вставайте,—говоритъ:— Что вы долго спите? Отворяйте дверь!“—Такъ съ характеромъ, знаешь, кричитъ. Они испугались, торопились — отворяли дверь, огонь развели, самоваръ ставятъ.

Чай пьетъ старикъ. — „Вы, — говоритъ: — сказали: блохъ нѣтъ! А я еще на потолокъ залѣзъ, и тамъ блохи кусали меня! Кабы, — говоритъ: — въ избу, такъ больше бы кусали меня!“ — *Сарапается* самъ.

Чаю напились. Деу *маха́нъ* варилъ — человѣка кололъ. Этотъ старикъ сидитъ за обѣдомъ; Деу кладетъ ему голову, главной *мосо́лъ*; старикъ рветъ рукой, тащитъ въ ротъ себѣ, а самъ прячетъ въ дыру. Много ли мало ли сидѣлъ: „будетъ, — говоритъ: — наѣлся!“

„Ну, теперь,—говоритъ:—надо расчитываться!“—Прямо весело говоритъ, што-што боится. Деу говоритъ: „Возьми, сколько поднимешь, самъ тасчи золота!“ — А старикъ говоритъ: „Вотъ какой ты дуракъ! Я много дураковъ видѣлъ, этакова не видалъ!.. „Сколь подымаешь еще!“ — Да я съ матерью тебя тасчу, съ домомъ, — говоритъ: — всево тебя утасшу! Тебя роботникомъ держать стану, мать стряпкой будетъ!.. Айда́ самъ таши, сколь поднимаешь!“

Деу шипко испугался. Кладётъ самъ на себя золото, много кладетъ—согнулся даже.—„Айда еще клади!“ говоритъ старикъ. — Деу черезъ силу себѣ клалъ, не можетъ уже поднимать. Пошли они; старикъ сзади его идётъ. Попойдётъ, попойдетъ Деу, да и упадетъ; потомъ говоритъ: „оставимъ хоть немного: шибко тяжело нести!“ — „Айда, — говоритъ старикъ: — тасшы, не оставляй!“

4. Пришли къ старику. — „Стой — говоритъ: — въ воротахъ! я *бабу* пошлю самоваръ ставить". — Старикъ своей бабѣ сказалъ: „Я, — говоритъ: — тебя заставлю: *маханину* клади варить! — такъ ты спрашивай у меня: какую маханину?..."

Вышелъ старикъ и говоритъ Деу: „айда, заходи!" — Золото принесъ Деу въ избу. Старуха самоваръ поставила, сѣли пить чай. Старикъ потомъ говоритъ *бабѣ*: „Айда, мясо клади варить!"—Баба спрашиваетъ: „какое мясо,—говоритъ:— клась?" — У старшево Деу голова́ клади варить, а у середняго грудь клади, а у младшаго нога́. Не хватитъ, — вотъ сидитъ" (руку протянулъ и хотѣлъ схватить Деу за горло). — Испугался Деу, уголъ у избы подымалъ и убѣжалъ.

Обрадовались они, старики. Старикъ пошолъ, избу чинитъ.

5. Деу бѣгомъ бѣжитъ съ испугу. Навстрѣчу ему попала лиса: „Куда ты эдакъ *кру́то* идёшь?" — „Старикъ меня хотѣлъ поймать, убить". — Лиса говоритъ: „Эхъ ты дуракъ, дуракъ! Я его соплями бью, онъ упадетъ; потомъ я молоко у него хлебаю, сметану хлебаю — и убѣгу! А ты, такой здоровой, боишша! Пойдемъ, я тебя поведу. Держи хвостъ менѣ!"

Взялъ Деу хвостъ у лисы, держитъ его. А старикъ починялъ избу. Оглянулся старикъ и видитъ Деу. — „А, — говоритъ: — лиса, ты тасчышь мнѣ долгъ, заплатить мнѣ хочешь! Айда тасшы скорѣе!" — Деу испугался, осердился на лису, завертѣлъ, завертѣлъ хвостъ и ударилъ лису о землю, а самъ убѣжалъ съ *ма́ху*. — Старикъ взялъ лису и ободралъ.

105. Водяная дѣвица.

1. Былъ старикъ со старухой. У нихъ было три парня. Жили богато. Два парня женились, а третій парень остался холостымъ. Старикъ умеръ, а онъ всё холостой. Братья стали обиждать холостого брата; ему хочется жениться, а они его не женятъ.

Одинъ разъ холостой братъ пошолъ на озеро. Гуляетъ по берегу, увидѣлъ кого-то вдали и пошолъ на него. По-